

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ

Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева

Под редакцией
М. Е. Ткачука и Г. Г. Атанасова

Библиотека

КИШИНЕВ
2019

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

IN SEARCH OF THE ESSENCE

Essays in honour of Nicolai Russev
on the occasion of his 60th birthday

Edited by
M.E. Tkachuk and G.G. Atanasov

KISHINEV
2019

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Дунайская элегия Руссева	13
В. Йотов, А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Приятелски и колегиален поздрав към Николай Руссев	19
О. А. Довгополова (<i>Одесса, Украина</i>). «Гораздо сложнее было с живыми...»: История одного поселка на границе тектонических сдвигов цивилизаций	21
Список печатных трудов Н. Д. Руссева	25

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ БАЛКАН

А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Елинистически фигурални лампи от античного светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско	35
А. Орачев (<i>Ахтопол, България</i>). Българският поведенчески стереотип — кимане с глава в знак на съгласие у гетите в <i>Tristia</i> на Овидий	43
В. Йотов (<i>Варна, Болгария</i>). Античная печь III в. на мысе Св. Атанас, Варненская область, Болгария	55

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ У ГОРОЖАН И НОМАДОВ

С. Б. Сорочан (<i>Харьков, Украина</i>). Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения	67
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V—VIII вв.).	73

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

А. В. Кривенко (<i>Тирасполь, Молдова</i>), М. Н. Бутырский (<i>Москва, Россия</i>). Монеты Латинской и Византийской империй из находок на территории Пруто-Днестровья.	89
Н. А. Алексеенко (<i>Симферополь, Крым</i>), Л. В. Дергачёва (<i>Бухарест, Румыния</i>). Молдавская монета на территории средневековой Таврики (краткий обзор) . . .	97

МАТЕРИЯ ЗНАЧЕНИЙ

- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V 109
- С. В. Белецкий** (*Санкт-Петербург, Россия*). Новый тип древнерусского княжеского знака 119
- Й. Валериев** (*Бургас, Бългaрия*). Къснономадски пандантиви амулети от района на Долния Дунав 125

РЕЛИКТЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

- Н. Н. Крадин** (*Владивосток, Россия*). Города в кочевых империях Внутренней Азии. 149
- М. В. Ельников** (*Запорожье, Украина*). Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным 171
- Л. Ф. Недашковский** (*Казань, Россия*). Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увецкого городища по архивным данным . . 191
- А. Н. Масловский** (*Азов, Россия*). Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общие и частности. 209

УКРАШЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

- К. А. Руденко** (*Казань, Россия*). Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка. . 239
- С. А. Фидельский** (*Тирасполь, Молдова*), **М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра. 263
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **С. Н. Разумов**, **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*). Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре 275
- С. С. Рябцева** (†). О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией 291

ИЗ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

- И. П. Возный** (*Черновцы, Украина*). Клинковое оружие XII—XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра 309
- Б. М. Боднарюк** (*Черновцы, Украина*). Молдо-валашский этнический субстрат в эпоху раннего средневековья: аспекты цивилизационной идентификации в осмыслении румынских историков XX века 331

ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗЫ ЭПОХ

- О. М. Луговой (*Одесса, Украина*). Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее 341
- А. В. Федорук (*Черновцы, Украина*). «Искусный и очень опытный стратег»: военная деятельность Ивана Русина на службе царей Тырновской Болгарии (20—30-е гг. XIV в.) 349
- Пл. Павлов (*Велико-Търново, България*). За култа към св. Филотея Търновска в средновековна България и Влахия 361
- И. Ф. Грек (*Кишинёв, Молдова*). Рождение историка-болгариста и общественника . . 367

«ОСЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

- Г. Г. Атанасов, К. Р. Димов (*Силистра, България*). Отново за датировката и произхода на пафтите — *corrigenda et addenda* (По повод колекция в Дуловския музей от с. Окорш, Силистренско) 377
- А. В. Красножон (*Одесса, Украина*). Замок Хаджибей: история исследований, датировки, локализация 395
- А. В. Балух (*Черновцы, Украина*). Влияние польско-турецкого соперничества второй половины XVII в. на военно-политическую ситуацию в Карпато-Днестровском регионе 413

К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕОРИЙ И ЗАБЛУЖДЕНИЙ

- В. П. Кирилко (*Симферополь, Крым*). Терминологический аспект в изучении одоннефных храмов средневекового Крыма 427
- Б. Д. Борисов (*Велико-Търново, България*). Проблемът за средновековните сезонни селища от територията на дн. Югоизточна България (трансхуманс или номадизъм) 449
- В. Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*). Мнимое княжество Киркельское в Юго-Западном Крыму XIII—XV вв. 467
- Список сокращений. 475

CONTENTS

AD GLORIAM

M.E. Tkachuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). Russev's Danubian Elegy	13
V. Yotov, A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Greetings to Nikolai Russev from Friends and Colleagues	19
O.A. Dovgopolova (<i>Odessa, Ukraine</i>). "Those alive were much harder to deal with...": history of a settlement on the border between tectonic shifts of civilizations	21
List of Published Scientific Works by N.D. Russev	25

CLASSICAL MOTIVES OF BALKANS

A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Hellenistic Plastic Lamps from the Ancient Sanctuary at Sveti Atanas Cape near Byala, Varna Region	35
A. Orachev (<i>Ahtopol, Bulgaria</i>). The Bulgarian Behavioral Stereotype, Head Nodding Used by the Getae as a Sign of Consent in Ovid's Tristia	43
V. Yotov (<i>Varna, Bulgaria</i>). Antique Kiln of 3rd Century on Sveti Atanas Cape, Varna Region, Bulgaria	55

EARLY MIDDLE AGES AT BURGHERS AND NOMADS

S.B. Sorochan (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). Baptisteries of the Early Medieval Byzantine Cherson: some results of study	67
M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). On the "Nomadic Yurts" on the Sites of the Settled Population of the Forest-steppe (5th—8th Centuries)	73

NUMISMATICAL SKETCHES

A.V. Crivenco (<i>Tiraspol, Moldova</i>), M.N. Butyrsky (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Coins of the Latin and the Byzantine Empires by the Finds on the Territory of Prut-Dniester Region	89
N.A. Alekseienko (<i>Simferopol, Crimea</i>), L.V. Dergacheva (<i>Bucharest, Romania</i>). The Moldovan Currency Discovered in Medieval Taurica (short overview)	97

MATTER OF MEANINGS

- M.M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **On Dating of the Joint Rule of Rhadamsades and Rhescuporis V** 109
- S. V. Beletsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Type of the Old Russian Princely Token** 119
- I. Valeriev** (*Burgas, Bulgaria*). **Late Nomadic Pendent Amulets from the Lower Danube** . 125

RELICS OF THE STEPPE EURASIA

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Cities in Nomadic Empires of Inner Asia** 149
- M. V. Elnikov** (*Zaporizhzhia, Ukraine*). **Golden Horde Hillfort Konskie Vody by Written Sources, Cartographic Materials and Archaeological Data** 171
- L. F. Nedashkovsky** (*Kazan, Russian Federation*). **The Remains of Burials, Metal, Glass and Stone Wares from the Uvek Hillfort by Archival Materials** 191
- A. N. Maslovskiy** (*Azov, Russian Federation*). **Ceramic Complex as a Sign of Cultural Unity of Settled Population of Golden Horde. Brief review. Common and particular** . . 209

DECORATIONS OF THE GOLDEN HORDE TIME

- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Gold and Silver Bracelets of the 13th—14th Centuries from the Bulgar Region of the Golden Horde: systematization, attribution and dating** 239
- S. A. Fidelski** (*Tiraspol, Moldova*), **M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **A Bronze Mirror of the Golden Horde Time from the Outskirts of the Teia Village on the Left Bank of the Lower Dniester** 263
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kiev, Ukraine*), **S. N. Razumov**, **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **Golden Horde Grave with a Mirror with the Image of Sphinxes in the Lower Dniester Region** 275
- S. S. Ryabtseva** (†). **On Some Elements of Costume Decoration and Adornments of the Late 13th — Early 15th Centuries Associated with the Golden Horde Tradition** . . 291

PAGES FROM THE CULTUROLOGY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS

- I. P. Vozny** (*Chernivtsi, Ukraine*). **The Blade Weapon of the 12th—15th Centuries from the Territory between the Upper Prut and the Middle Dniester** 309
- B. M. Bodnariuk** (*Chernivtsi, Ukraine*). **Moldo-Wallachian Ethnic Substrate in the Early Middle Ages: aspects of civilization identification as understood by the Romanian historians of the 20th century** 331

PERSONS AND IMAGES OF THE TIME

O.M. Lugovyi (<i>Odessa, Ukraine</i>). Grigorij Tsamblak and the First Record of Khadjibey	341
A. V. Fedoruk (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). “A Skilled and Very Experienced Strategist”: Military Activities of Ivan Rusin in the Service of the Tsars of Tarnovo Bulgaria (20—30s years of the 14th century)	349
Pl. Pavlov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Cult of St. Phylotea of Tarnovo in Medieval Bulgaria and Wallachia	361
I. F. Grek (<i>Kishinev, Moldova</i>). Birth of a Historian-Bulgarist and Social Activist	367

“THE AUTUMN OF THE MIDDLE AGES”

G. G. Atanasov, K. R. Dimov (<i>Silistra, Bulgaria</i>). Once Again about the Dating and Origin of the Clasps Called Pafta — corrigenda et addenda (On the occasion of the collection in the museum of Dulovo, found in the area of Okorsh, Silistra region) . . .	377
A. V. Krasnozhon (<i>Odessa, Ukraine</i>). The Khadzhibey Castle: History of Research, Dating, Localization	395
O. V. Balukh (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). The Influence of the Polish-Turkish Rivalry in the Second Half of the 17th Century on the Military and Political Situation in the Carpathian-Dniester Region	413

UNDERSTANDING THEORIES AND DELUSIONS

V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Terminological Aspect in Studies of Single-Nave Basilicas in the Medieval Crimea	427
B. D. Borisov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Problem of the Seasonal Settlements on the Territory of Today’s South-Eastern Bulgaria (Transhumance or Nomadism)	449
V. L. Mytz (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Imaginary <i>Kirkel</i> Principality in South-Western Crimea (13th—15th Centuries)	467
Abbreviations	475

О. А. Довгополова

«Гораздо сложнее было с живыми...»: История одного поселка на границе тектонических сдвигов цивилизаций

Кажется, что в жанре региональной истории вряд ли можно придумать нечто новое. Уже наработана масса приёмов и инструментов, в разных частях мира взяты тысячи и тысячи интервью, год от года совершенствуется методология микроисторического исследования. Тем не менее, книга «Шикирлик-Суворово: два века в истории (1815—2015)» Н. Д. Руссева оказывается чем-то совершенно особенным в бесконечном потоке местных историй. Автор не создаёт новых жанров. С одной стороны, здесь представлено классическое историческое исследование региона, с другой — дано личностное измерение истории в ряде разноплановых интервью. Вряд ли первую часть исследования можно назвать микроисторическим. Классические микроисторические исследования, создающие «скважины» в толще исторического материала, как правило, сосредотачиваются на тех моментах, которые недоступны при любом обобщающем анализе: способах видения мира, ментальности, специфике личностных взаимоотношений. Здесь же мы видим тщательную обработку исторических источников, раскрывающую перед читателем творческую лабораторию автора, демонстрирующую, как именно можно изыскивать сведения о тех моментах, которые кажутся неописанными. Автор не позволяет себе эмоциональных или эссеистических отступлений, попыток «вчувствования». Скупой на аффекты материал именно в таком виде оказывается для читателя предельно заряженным ощущением экзистенциальной сродненности. Для тех, кто бывал (уж не говорю про тех, кто жил) в Суворово, все описанное неизбежно накладывается на собственные ощущения пространства, воздуха, голосов людей, запахов... Мы чувствуем, как здесь жить сейчас.

Благодаря книге Н. Д. Руссева наши ощущения приобретают несколько измерений, становятся слоистыми. И да простит меня за эту лирику автор, ценящий строгость научного стиля и информационную насыщенность текста. Вне всякого сомнения, здесь всё это есть — плод многолетней работы в архивах разных стран насыщенным количеством полезных и ценных для исследователей региона сведений. Что не нивелирует того дополнительного эффекта, о котором я пытаюсь сказать — человеческое измерение истории оказывается доступно именно в такой оптике, когда даже сухие цифры дают нам возможность прикоснуться к живой ткани людского существования. Эффект усиливается постоянными сменами масштаба, что позволяет ощутить именно тот момент негарантированности и незащищённости человеческой жизни в периоды геополитических катастроф. А катастроф на описываемый регион выпало достаточно. Известный историк Тимоти Скайдер стал известен благодаря своей книге «Кровавые земли», в которой внимание сфокусировано на жизненной ситуации людей, живущих на землях, неизбежно становящихся яблоком раздора великих игроков на сцене мировой истории. Взгляд Николая Руссева сосредоточен не на регионе, а на маленькой точке на карте, что делает ощущение трагизма истории еще более острым, но и даёт более ясный посыл к пониманию простой истины — жизнь сильнее смерти, воля к жизни в людях оказывается сильнее всех обрушивающихся на человека катастроф.

Именно внутреннее присутствие такой установки автора делает структуру работы абсолютно логичной и оправданной. Разделы с интервью и воспоминаниями восприни-

маются как органичная часть исследования, а не как некое дополнение, как это часто бывает в подобного рода работах. Интервью собирались автором на протяжении многих лет. Они разнообразны по способам интервьюирования и репрезентации результатов. Более ранние интервью, взятые еще в 90-е годы, выглядят классическими устно-историческими разработками, в более поздних текстах автор даёт скорее собственное видение того, что человек рассказывает.

Исследование проникнуто привязанностью и интересом именно к этой точке на карте, где на протяжении двухсот лет люди доказывали, что они сильнее обстоятельств. Это не снижает его теоретической насыщенности и научной обоснованности выводов. Предоставив читателю возможность погрузиться в материалы второго и третьего раздела книги с их личностным измерением, позволю себе сказать несколько слов о специфике исследовательского взгляда Н.Д. Руссева в первом, теоретическом разделе.

Перед нами предстает история в ее человеческом измерении, когда мы можем кожей ощущать как присутствие живого человеческого дыхания, так и тектонические сдвиги цивилизационных структур. Простой анализ фамилий первых поселенцев, пришедших в начале XIX века на эти, только что отвоеванные Россией земли, даёт автору возможность обозначить способы взаимодействия в разномыслии пространстве — фиксация фамилии Болгар свидетельствует о том, что человек был известен за пределами своего села, ведь бессмысленно обозначаться собственной национальностью среди сородичей. Читая о количестве детей в семьях переселенцев, мы можем почувствовать сомнения и страхи людей, принимающих решение о переселении — с большим семейством это сложнее, переселяться решаются тогда, когда в семье один или два ребенка. Видим надежды на государственную помощь, которые испытываются отсрочками российской администрации — у империи другие задачи, надо закончить наполеоновские войны. Упоминание о том, что новых переселенцев после 1830 года селили во «временных поселениях», то есть в землянках, даёт нам почувствовать, насколько тяжело давались переселения — мы можем представить себе, что значит *перезимовать* в сыром буджакском климате с ветрами, туманами, обледенениями. Люди переживали здесь эпидемии оспы и холеры. Они выживали. Им случалось хоронить и умерших от эпидемии проезжих

людей, которых застала смерть у чужого порога.

Одновременно с этим простым указанием на специфику обживания пространства первопоселенцами автор показывает нам и способы действия огромных исторических механизмов. Сухие цифры изменений в сельском хозяйстве в первые десятилетия присутствия здесь России — упадок садоводства, сокращение скотоводства по сравнению с турецким временем — дают нам почувствовать, как огромные цивилизационные пласты сдвигаются, подобно отливу, оставляя на обнажившемся берегу какие-то напоминания о том, что было раньше. Достаточно прочитать приведенное в книге донесение российских офицеров о первых годах существования села: «Поселена с 1815 года в небольшой лощине, в одной версте от левого берега озера Катлабуга, где была татарская деревня того же имени, выстроена правильными кварталами». Татарская деревня пустеет с уходом прежнего государства, не теряя своего имени, но наполняясь новыми жителями. С каждой русско-турецкой войной в регионе появляются новые волны переселенцев. Отношения между государствами ломают жизни людей — привычная жизнь становится невозможной, люди снимаются с места и ищут лучшей доли. Уже пустив корни в новой земле, колонисты снова оказываются в другом государстве — только освоившись со способом жизни в Российской империи, люди оказываются в вассальной османам Молдавии. Это новый вызов, который Молдавия старается уменьшить, подтвердив права колонистов, полученные от России. И всё равно конфликты заставляют колонистов снова бежать в российскую Бессарабию. Всё тут смешивается так, что не развести. Обжившие новые земли люди вновь совершают «Большую ходку». А в 30-е годы уже XX века сюда пришла уже иная империя. На разных страницах книги мы встречаемся с этой ситуацией выбора — вы остаётесь или уходите. Невольно ставишь себя на место тех солдат, которым прямо на плацу во время построения в 1940 году велют сделать выбор — уходят ли они в Румынию как урожденные румыны или остаются жить под властью Советов. И переживаешь вживую падение «занавеса», после чего многие семьи оказались разделены навсегда.

Напластования культур и традиций выходят на поверхность в каких-то очень простых фактах. В болгарском обозначении села, происходящем от тюркского слова «кишлак». В готовности колонистов, обладающих все-

ми правами колонистов Российской империи, держаться за молдавские привилегии и хранить документы, полученные когда-то в Яссах. В болгарском женском имени «Султана», которое в церковных документах превращалось в Татьяну.

Может быть, ничто так выпукло, как бесконечные сухие цифры, приводимые автором, не дает почувствовать специфику Буджака как пространства, в которое попадают люди, готовые принять на себя все сложности, которые могут выпасть на долю искателей своей судьбы. Люди, готовые рискнуть, готовые не опускать руки, когда не приходит обещанная помощь. Мы слышим голоса агитаторов, призывающих поселенцев возвращаться обратно, на турецкие земли. И видим поселенцев, которые пропускают эти призывы мимо ушей — они приняли своё решение. Мы видим опасливое решение не записывать статистику смертности во время эпидемий, которую историк восстанавливает, обратившись к записям об исповедях. Нас корбит от простого объяснения причин большей смертности среди девочек, чем среди мальчиков — просто девочки меньше ценились в семьях.

Короткие мазки статистических данных дают нам возможность представить себе, что давало жителям нового поселения в первые десятилетия XIX века решимость рискнуть и остаться здесь жить. Место было прекрасно для торговли. Близость транспортных путей и торговых трактов, близость Одессы с её фантастическими темпами роста — вот то, что давало людям, не боящимся работать, уверенность в том, что это хорошее место, наш дом, из которого не надо никуда уходить. Как анимационная картинка перед нами рисуется строительство церкви под руководством молодого образованного священника, появление «каменных почтовых дворов».

Простое упоминание о правилах размещения новопереселенцев в XIX в. делает очевидным, насколько конфликтным был регион. Новые переселенцы специальным распоряжением М. С. Воронцова должны были поселяться отдельно от уже обжившихся здесь. Почему? Очевидно, случаи конфликтов со старожилами случались достаточно часто. Можно понять новопоселенцев, которым приходилось зимовать в землянках, не менее понятна готовность старожилов охранять от вторжений свое с таким трудом созданное обжитое пространство. Конфликтность пространства в каждую эпоху существования села проявляется по-своему. Сначала это были конфликты с новопоселенцами, потом, уже в румынскую эпоху,

болгарские сообщества вызывали подозрение и признавались наиболее враждебными румынской власти.

Автор показывает нам сообщество, где время течет не так, как нам кажется привычным и правильным, — в соответствии с политическими изменениями внешнего мира. Нам представляются катастрофическими смены политической власти, здесь их иногда могут не заметить, но впасть в отчаяние из-за введения григорианского календаря в богослужение. Это, а не приход нового государства, ввергает сообщество в хаос.

За возможность использовать в своих исследованиях рассказ о фигуре школьного учителя, фамилию которого безошибочно называют потомки тех, кто жил в Шикирлике в 30-е годы, Мишель Фуко немало бы отдал. Настолько это явственное свидетельство нормализующей роли школы и роли образования в системе воспроизводства социума. «Этот человек, довольно долго живший в Шикирлике и хорошо понимавший болгарский язык, олицетворял для местных болгар всё Румынское королевство. В школу Ион Костика, человек хорошо сложенный, приходил безукоризненно одетым. Порой он появлялся в военном мундире — с тростью в руке и со шпорами, звеневшими на его хромовых сапогах. Как офицер он занимался и военной подготовкой допризывников. Господин директор запечатлен на фотоснимках, сохранившихся в семьях его бывших учеников» (с. 112).

Абсолютно органично выглядит сочетание макро- и микропланов описания. Погрузившись в восстановление геополитических расстановок сил накануне Второй мировой войны, мы внезапно перемещаемся на микроплан: в описание ухода румынских властей и войск с изучаемой автором территории. Мы видим и беспорядочное отчаянное желание как-то вписаться в ситуацию — кто-то бежит, бросая всё, кто-то продаёт даже табельное оружие, попутно громя евреев за вооруженную связь с большевиками. Местные быстренько грабят магазины и пытаются самоорганизоваться. Автор не пытается создать некоего глянцевого образа этих событий: люди, увы, ведут себя как люди в ситуации хаоса. «Известная по всей Бессарабии байка о том, что местному населению лучше всего жилось, когда румыны уже ушли, а русские еще не пришли, относится именно к таким дням коллективного самоуправления» (с. 120). Именно на фоне этих описаний выглядят смешно и нелепо как раз идеологические штампы из учебников о том, что

«долголетние чаяния трудящихся Бессарабии о воссоединении с Россией сбылись».

Среди трагедий Второй мировой войны перед нами предстаёт трагедия Суворово. Искушение просто живописать зверства захватчиков разбивается о скупое очерченный автором факт — репрессии обрушились на тех, на кого доносили свои же односельчане. Война предстаёт здесь во всей отвратительности своего обличья, как то, что делает актуальными самые тёмные стороны человеческой природы. Рядом с отчаянными подвигами воинов, сдерживавших наступление вражеской армии в течение месяца, гнездится тихая подлость тех, кто в ужасе от происходящего пытается обеспечатить себе место под солнцем.

Каждое историческое событие мы привыкли вписывать в определенный исторический нарратив, представляющий его как необходимое звено в цепи иных событий. Достоинством исследования Н. Руссева является то, что он даёт возможность оценить видение ситуации с разных сторон. И с условно «советской», и с румынской. Введение этой двойной идеологической оптики создаёт дополнительные возможности восприятия обстоятельств жизни людей, вброшенных в катастрофическую ситуацию. Структуры сражаются только в учебниках и политических сочинениях. Реальность же наполняется разрывами ткани жизни. «Освобождение»? «Векковые чаяния»? О чем всё это... Кто только не освобождал эту территорию. Короткие штришки описания разных эпизодов войны

заставляют почувствовать кошмар происходящего больше, нежели развернутые статистические схемы. Корректные и подтянутые немцы, пришедшие на смену румынам, на глазах местных жителей расстреливают несколько десятков каких-то незнакомых людей. В этом маленьком эпизоде всё: и ужас ожидания подобной судьбы со стороны местных, и неспособность завоевателей увидеть в тех же местных нечто достойное того, чтобы хотя бы произвести расстрел не открыто. Так не обращают внимания на домашних животных. И одна фраза «Гораздо сложнее было с живыми» описывает ситуацию прихода советских войск лучше, нежели все геополитические описания. Перезахоронить погибших и воздать им почести было легче, чем разобраться с теми, кто продолжал с оружием в руках скрываться на территории оставленной румынами и немцами Бессарабии, с теми, кого бросили собственные государства при отступлении, с теми, на чьей совести лежали преступления против соседей...

С живыми всегда сложно. Позволю себе воспользоваться строчкой одесского поэта Бориса Херсонского «...у Бога все живы, у Истории все мертвы». История, расставившая вешки и повесившая правильные ярлычки, делает прошлое ясным. Не такую Историю мы видим в исследовании Н.Д. Руссева. В этой книге все живы. И с ними очень непросто. Книга, при всей своей традиционной академичности, наполнена любовью. А это то, что делает историю живой.

Статья поступила в сборник 21 марта 2019 г.

Oksana Dovgopola (Odessa, Ukraine). Doctor of Philosophical Sciences. Odessa I. I. Mechnikov National University¹.

Довгополова Оксана Андреевна (Одесса, Украина). Доктор философских наук. Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

E-mail: doaod1@gmail.com

Address: ¹ Dvoryanskaya St., 2, Odessa, 65026, Ukraine